

- ³⁴ Смоленские губернские ведомости. 1855. № 24. Часть неофиц. С. 147—148; 1856. № 27. С. 233.
- ³⁵ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1708. 1856 г. Л. 4; Д. 1818. 1856 г. Л. 9 об.—10; Д. 1897. 1860 г. Л. 8 об.
- ³⁶ Любимов П. Указ. соч. С. 37.
- ³⁷ ПСЗ : собр. 2. Т. 33. С. 689; Т. 35. С. 532.
- ³⁸ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1897. 1860 г.
- ³⁹ Там же. Д. 2267. 1866 г. Л. 8.
- ⁴⁰ Лихачева Е. Указ. соч. (1856—1880 гг.). С. 22, 49, 154, 255.
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2965. 1905 г. Л. 29—30.

ББК 63.3(2)53+60.74

С. Д. Морозов

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.: ТЕНДЕНЦИИ БРАЧНОСТИ

Одним из важных демографических показателей естественного движения населения является брачность. На возрастно-половой состав населения России влияли показатели брачности и рождаемости. К концу XIX в. удельный вес невест в возрасте до 20 лет был наиболее высоким в Астраханской, Пензенской, Самарской и Симбирской губерниях, соответственно — 77,5, 73, 67,6 и 67 %; коэффициент рождаемости здесь равнялся 53,7, 52,1, 57,7, и 55,4 ‰. В губерниях с высоким удельным весом невест в возрасте 20 лет и моложе показатели рождаемости оказались более высокими. Вместе с тем в Псковской и Петербургской губерниях удельный вес невест в возрасте до 20 лет был наименьшим в Европейской России — соответственно 31,4 и 27,3 %; коэффициенты рождаемости — 40,6 и 29,5 ‰ [4, с. 21—25; 23, Ф. 571, оп. 9, д. 8, л. 22—25; 29, с. 189].

Показатели брачности в России на рубеже XIX—XX вв. в целом находились на высоком уровне. Высокие показатели брачности, а также ранние браки, особенно среди многочисленного сельского населения, оказывали большое влияние на рост рождаемости.

Коэффициент брачности в России в 90-х гг. XIX в. равнялся 9 ‰. В первые годы XX в. он снизился до 8,6 ‰ [17, с. 36—37]. По этим данным прослеживается снижение показателей брачности примерно на 20 %. Это объясняется, в частности, введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности.

Сравнительно повышенными показателями брачности отличался 1906 г.; пониженная брачность отмечалась в 1900—1901 гг. и 1904—1905 гг., что связано либо с относительно благоприятными периодами, либо с происходившими тогда войнами и экономическими кризисами. Подсчет показателей коэффициентов брачности населения России по пятилетиям дал следующие результа-

ты: в 1891—1895 гг. — 9 %, в 1896—1900 гг. — 9 %; в среднем — 9 % [5; 23, ф. 573, оп. 6, д. 73, л. 12—19].

Показательна также группировка данных о распределении вступивших в брак в России по возрастно-половым группам в 1897—1898 гг. Оказалось, что 84—88 % невест были в возрасте до 25 лет, причем более половины (57—59 %) — до 20 лет. Соответствующие показатели для женихов — 67—69 % и 37—38 %. В возрасте 30 лет и старше вступали в брак 17—20 % мужчин и 7—9 % женщин [11, с. 5—12]. Распределение женихов и невест по возрасту в течение указанного периода в целом оставалось неизменным.

По данным переписи населения 1897 г. был подсчитан удельный вес замужних среди женщин в возрасте 15 лет и старше; показатели губерний России распределены в нисходящем порядке. Наиболее высокий коэффициент наблюдался в губерниях Центрально-Земледельческого и Поволжского районов — от 71,3 % до 61,2 %; наименьшим он был в губерниях Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов — от 58,5 % до 46,1 %. Средний показатель по губерниям Европейской России составил 61,7 %, что было несколько меньше среднего показателя по всей России — 62,6 %. Группировка губерний России в зависимости от доли замужних к общей численности женщин в возрасте 15 лет и старше дала следующие результаты. К первой группе таких губерний с показателем 70 % и выше в среднем относились 70,8 % замужних женщин, коэффициент рождаемости здесь был 54,9 ‰; ко второй группе с показателем 63—70 % — 65,9 % замужних, коэффициент рождаемости — 51,9 ‰; к третьей группе с показателем 56—63 % — 59,7 % замужних, коэффициент рождаемости — 45,7 ‰; к четвертой группе с показателем 56 % и ниже — 52,4 % замужних, коэффициент рождаемости — 37,8 ‰ [1, с. 14—51; 19; 24, с. 52—59].

Приведенные данные показывают лишь незначительное изменение в сторону «постарения» брачности. В целом эти подсчеты свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения России к началу XX в. жило в условиях традиционной брачности: 80—85 % браков заключалось женщинами в возрасте до 25 лет включительно, а если учесть только первые браки, то эта доля может повыситься. Некоторое «постарение» брачности на рождаемость сильно не влияло: она по-прежнему оставалась высокой, особенно в крестьянской среде. Об активной роли внебрачного репродуктивного поведения говорить не приходится. Предубеждение против такого поведения в русском обществе было очень велико.

Браки были не только ранними, но и всеобщими: к возрасту 45—49 лет лишь 4 % мужчин и 5 % женщин России оставались вне брака. Низкий уровень безбрачия складывался также за счет села: по переписи 1897 г. в городах к возрасту 50 лет свыше 10 % мужчин и женщин не вступили в брак, оставаясь холостыми и незамужними практически до конца жизни. В 1896—1897 гг. 93 % женщин к возрасту 30 лет вступили в первый брак. Медианный возраст вступивших в брак в 1900 г. для мужчин составил 23,6 года, для женщин — 20,5 лет [23, ф. 1291, оп. 3, д. 107, л. 5—15, 52—56; 26, с. 88—89].

Россия в изучаемый период была страной преимущественно крестьянской. Однако уже тогда в деревне обнаружилась тенденция к снижению уровня брачности до 9 ‰. Основные демографические компоненты для крестьян православ-

ного вероисповедания были следующими: с 1891 по 1901 гг. рождаемость снизилась с 50,2 до 49,2 ‰, смертность — с 36,9 до 34,2 ‰, естественный прирост, напротив, поднялся с 13,3 до 15 ‰, а коэффициент заключенных браков снизился с 10,4 до 9 ‰, при этом число рождений на каждый заключенный брак в среднем выросло с 4,9 до 5,5 [18, с. 14—94; 22, с. 182].

В России крестьянская семья на протяжении многих веков формировалась из родственников по мужской линии. В конце XIX в. она представляла собой в основном традиционный тип семейной организации, в которой формальным главой являлся отец, имевший практически неограниченную власть над всеми членами семьи. Такая семья отличалась авторитарной структурой, полным подчинением жены мужу и требованием абсолютного послушания детей родителям при всеобщей строгости и субординации во взаимоотношениях [15, с. 7—30].

Крестьянский парень до женитьбы в деревне никем всерьез не воспринимался; он не имел голоса ни в семье, ни на крестьянском сходе; деревню ему не разрешали покинуть даже на короткий срок. Только после свадьбы он становился полноправным членом семьи и «мира» — сельской общины, обладателем прав и обязанностей полноценного члена крестьянского общества. Невеселая судьба ожидала и незамужнюю крестьянскую девушку. По крестьянским понятиям, женщина без мужа не имела самостоятельной ценности; кроме того, «засидеться в девках» было позором, поэтому девичеству крестьянка предпочитала замужество, пусть даже самое худое [13, с. 158—206, 219—232, 236—250; 14, с. 85, 93, 95].

Невозможность холостой жизни земледельца объясняется огромной ролью материального расчета. Многих наблюдателей крестьянской жизни это приводило к мысли, что брак — хозяйственная сделка. Так, знаток крестьянского быта В. И. Семевский считал, что в основе крестьянского брака лежала не столько привязанность, сколько экономический расчет; крестьянин женился не по страсти, а по необходимости. По мнению земледельца, не любовь, а нужда служила оправданием брака [9, с. 87; 10, с. 1—3; 24, с. 72].

Однако к началу XX в. доля состоявших в браке крестьян понизилась. По данным переписи 1897 г., женатых и замужних крестьян в России было свыше 65 %. При этом удельный вес лиц в возрасте 40—45 лет, не состоявших в браке, стал несколько ниже по сравнению с серединой XIX в. — около 3 % мужчин и 4 % женщин. К концу XIX в. в деревне тенденция к снижению уровня брачности проявилась так: за последнее десятилетие XIX в. коэффициент брачности понизился до 9 ‰; за первое десятилетие XX в. — до 8,5 ‰; за три года, предшествовавших Первой мировой войне, он достиг 8 ‰ [12, с. 8—13].

Думается, снижение брачности у крестьян на рубеже XIX—XX вв. было обусловлено рядом причин: освобождением из-под опеки помещиков и местной администрации в решении матримониальных дел; развитием промысловой деятельности, особенно отходничества; усилением социальной дифференциации деревни; интенсификацией миграционных процессов, вызванной проведением столыпинской аграрной реформы. Все это вместе вело к повышению брачного возраста. Тем не менее на протяжении всего рассматриваемого периода отмечалось стремление женить детей как можно раньше: парней — обычно в 18—20 лет, девушек — в 16—18. По закону в конце XIX — начале

XX в. в брак разрешалось вступать мужчинам в 18, а женщинам в 16 лет. В ряде же губерний, особенно Центрально-Земледельческого района (Курская, Орловская, Рязанская и др.), нередко случалось, что девушек выдавали замуж до установленного законом срока — в 15, 14, 13 и даже 12 лет. Крестьяне этих губерний часто обращались к епархиальным властям с просьбой разрешить вступление в брак до 16 лет, мотивируя это необходимостью иметь дома работницу или хозяйку [25, с. 4, 214—215].

Однако земские врачи считали, что браки до 20 лет преждевременны по причине неполной физической и половой зрелости крестьянской молодежи. Известно, что в конце XIX в. около 8—10 % новобранцев ежегодно получали отсрочку от призыва в армию [2, с. 33; 30, с. 48; 28, с. 95—105]. И это в возрасте 21 года! На позднее половое и физическое созревание крестьян и в начале XX в. неоднократно указывали земские врачи.

Но все же, хотя и в начале XX в. браки крестьян продолжали оставаться очень ранними, следует отметить, что средний возраст женихов и невест по регионам и губерниям заметно колебался. Браки «молодели» с севера на юг и с запада на восток; наиболее молодыми женились в губерниях с сельскохозяйственной специализацией; в промысловых же селениях были самые поздние браки. Более того, возрастные различия наблюдались в пределах губернии, уезда и даже волости. Следует отметить также, что разница в возрасте между женихом и невестой при вступлении в первый брак, как правило, не превышала 2—3 лет (в сторону старшинства жениха) [15, с. 7—30].

Брачность в России в 1900-х гг. в основном находилась на высоком уровне. Высокие показатели брачности, а также ранние браки, особенно среди многочисленного сельского населения, оказывали большое влияние на рост рождаемости. Основные показатели в 1897—1911 гг. так характеризуют брачность населения: в 1897 г. она составила 9,1 ‰, 1898 — 8,7, 1899 — 9,3, 1900 — 8,9, 1901 — 8,6, 1902 — 8,6, 1903 — 8,9, 1904 — 7,6, 1905 — 7,6, 1906 — 9,6, 1907 — 9, 1908 — 8, 1909 — 8, 1910 — 8,4, 1911 — 8 ‰ (снижение показателя брачности примерно на 20 ‰). В среднем по губерниям России в 1897—1911 гг. брачность составила 8,6 ‰. Сравнительно повышенными показателями брачности были отмечены 1897, 1899, 1900, 1903, 1906, 1907 гг. Пониженная брачность характерна для 1904, 1905, 1908, 1909, 1911 гг., что связано с происходившими тогда военными действиями и социально-экономическими кризисами. Приведенные подсчеты показателей брачности населения России по пятилетиям в 1896—1911 гг. также свидетельствуют о снижении брачности: 1896—1900 гг. — 9 ‰, 1901—1905 гг. — 8,3, 1906—1910 гг. — 8,6; в среднем — 8,5 ‰ [20, ф. 26, оп. 2, д. 1, л. 36—37; 24; 27, с. 10—31].

Данные за 1898—1910 гг. не показывают каких-либо значительных сдвигов и в распределении вступивших в брак по возрастным группам. Таким образом, показатели 1898 и 1910 гг. практически не изменились. Они свидетельствуют о том, что значительно преобладающая масса невест приходилась на возрастные группы до 25 лет (85—86 ‰), причем по отдельным годам колебания этого показателя были небольшими [6; 16, с. 7—73].

Кроме того, распределение по возрастным группам вступивших в брак отдельно для различного вида населенных пунктов: губернских городов, про-

чих городов и сельских местностей — показывает, что браки в более ранних возрастах особенно были распространены в селах. В возрасте 20 лет и моложе невест оказалось в губернских городах 35,5 %, в прочих городах — 43 %, в сельских местностях — 56,7 % от общего числа невест. Мужчины вступали в брак в городах в более старших возрастах. Так, в возрасте 26 лет и старше их оказалось в селах 30,7 %, в губернских городах — 52,1%, в прочих городах — 45,5 % от общего числа женихов [7; 9, с. 18].

Следующие подсчеты показывают лишь незначительное изменение в сторону некоторого «постарения» брачности у женщин России в 1898—1910 гг. Невесты в возрасте 20 лет и моложе в 1898 г. составляли 54,7 %, в 1910 г. — 56,4 %; в возрасте 21—25 лет — соответственно 31,7 и 28,9 %, 26—30 лет — 7,1 и 7,1 %, 30 лет и старше — 6,5 и 7,6 %. В целом, повторимся, эти данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения России в этот период жило в условиях традиционной брачности: 80—85 % браков заключалось женщинами в возрасте до 25 лет включительно, а если учесть только первые браки, то эта доля была более высокой [7; 20, ф. 26, оп. 1, д. 2, л. 18].

Итак, более половины всех невест имели возраст до 20 лет. При этом следует учесть, что в приведенные подсчеты входят и повторные браки. Если их исключить, то удельный вес младших возрастных групп будет еще более значительным. В некоторых губерниях, даже с учетом повторных браков, свыше $\frac{3}{4}$ всех невест были моложе 21 года. Именно возраст вступления в брак в ту пору в значительной степени определял уровень рождаемости, о чем говорилось выше.

Общий коэффициент брачности, рассчитанный для губерний России, показывает, что уровень брачности медленно снижался от рубежа столетий к 1911 г. — от 9—10 до 8 %, причем в городах это явление было более заметным, чем в селах. Понижение уровня брачности происходило за счет некоторого сокращения доли ранних браков (20 лет и ниже) при ее незначительном увеличении в следующей возрастной группе (21—25 лет). Как указывалось ранее, подобные изменения почти не отражались на уровне рождаемости. Более заметным сокращение доли ранних браков было в городах, в Северо-Западном и Центрально-Промышленном районах России [27, с. 10—31].

Тем не менее изменения в социальных нормах имели место, что, в частности, выражалось в постепенном увеличении числа разводов. Хотя высшие церковные власти обычно препятствовали разводам, но случалось (крайне редко), что приходской священник своей властью расторгал браки. Разводы, особенно в деревнях, вплоть до 1914 г. были большой редкостью. В 1912 г. число разводов среди православного населения составило всего 3,5 тыс., в 1913 г. — 3,8 тыс., причем львиная их доля приходилась на города [21, с. 35—40, 60, 123, 238—255]. Об этом наглядно свидетельствует принятый по настоянию обществу в марте 1914 г. Закон о раздельном проживании супругов [8, с. 2].

Таким образом, в 1900-х гг. в России наблюдалась определенная тенденция к снижению уровня брачности, сокращению доли ранних браков и росту среднего возраста вступления в брак. Однако, за исключением городского населения ряда губерний, эти изменения происходили медленно. Справедливости ради надо отметить, что изменения социально-экономических институтов в

стране в конце XIX — начале XX в. были слишком незначительны, чтобы воздействовать на брачность, т. к. они требовали определенного времени.

Влияние Первой мировой войны на брачность проявилось прежде всего в уменьшении числа заключенных браков, вызванном мобилизацией мужчин и отчасти ухудшением экономических условий.

Обычно война в большей степени влияет на брачность сельского населения, чем городского. Для городов характерны концентрация военнослужащих, система брони для мужчин, работавших на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях. В селах же все мужские призывные возраста, за редким исключением, подлежали мобилизации. Например, изменение коэффициента брачности по Москве и Московской губернии накануне и в годы войны было следующим: в 1913 г. — соответственно 5,9 и 7,4 ‰, 1914 — 5,5 и 5,6 ‰, 1915 — 4,1 и 2,2 ‰, 1916 — 3,9 и 2,3 ‰. Количество нереализованных браков в России в годы войны оценивается в 1,7 млн. В целом по сокращению числа браков Россия занимала одно из ведущих мест среди воюющих государств. Если принять количество браков, заключенных в 1913 г. в 6 губерниях Европейской России, Петрограде и Москве, за 100 ‰, то в 1914 г. оно составило 85 ‰, 1915 — 46, 1916 — 44. В 1917 г. число браков увеличилось до 65 ‰ [3, с. 43], видимо, из-за стихийно нараставшей демобилизации и прекратившихся со второй половины года наборов в армию, а также по причине возвращения раненых воинов домой, «прилива» беженцев и военнопленных, увеличения численности лиц, получивших броню.

Такое резкое повышение уровня брачности носило отчасти компенсаторный характер. Но в большей степени оно объяснялось введением полной свободы разводов и гражданского брака, а также коренными изменениями бытовых и хозяйственных условий жизни людей.

Библиографический список

1. Вестник общественной гигиены. 1904. № 9. 150 с.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 г. Пг. : Изд-во канц. С. Синода, 1915. 290 с.
3. Горбунов А. В. Влияние мировой войны на движение населения Европы // Русский евгенистический журн. 1920. Т. 1, вып. 1. С. 40—55.
4. Движение населения в Европейской России за 1890—1898 гг. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1900. 390 с.
5. Движение населения в Европейской России за 1890—1900 гг. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1902. Вып. 33—62. 450 с.
6. Движение населения в Европейской России за 1898—1910 гг. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1912. Вып. 56—93. 430 с.
7. Движение населения в Европейской России за 1900—1910 гг. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1912. Вып. 63—93. 450 с.
8. Закон о раздельном жительстве супругов // Женское дело. 1914. № 8. С. 12—20.
9. Звонкова А. П. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии // Сб. сведений для изучения быта сельского населения России. М. : Изд-во губернского статистического комитета, 1899. Вып. 1. С. 18—28.

10. *Ильинский Ф.* Русская свадьба в Белгородском уезде. Кременец : Изд-во губернского статистического комитета, 1893. 200 с.
11. *Куркин П. И.* Статистика движения населения в Московской губернии. М. : Изд-во ЦСК МВД, 1900. 280 с.
12. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1903. 230 с.
13. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — нач. XX в.). СПб. : Блиц, 1999. Т. 1. 530 с.
14. *Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М. : Наука, 1977. С. 80—95.
15. Население России в XX веке. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 1. 425 с.
16. Население России за 100 лет. М. : Наука, 2000. 350 с.
17. *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Пг. : Изд-во ЦСК МВД, 1916. 216 с.
18. *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографической и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Пг. : Изд-во ЦСК МВД, 1916. Ч. 2. С. 14—94.
19. Общий свод по империи. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1900. Т. 1. 250 с.
20. Отдел рукописных фондов Института российской истории РАН.
21. Переписи населения Санкт-Петербурга 1890, 1900, 1910 гг. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1892—1912. 1020 с.
22. *Покровский В. И.* Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения // Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1897. Т. 2. С. 170—195.
23. Российский государственный исторический архив.
24. *Семевский В. И.* Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. // Устой. 1882. № 2. С. 50—72.
25. *Славянский К. Ф.* К изучению физиологических проявлений половой жизни женщины-крестьянки // Здоровье. 1894/1895. № 10. С. 209—229.
26. Статистика Российской империи : движение населения в Европейской России за 1900 год. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1901. 250 с.
27. Статистический ежегодник России 1904—1910 гг. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1905—1911. 310 с.
28. *Уипль Дж. Ч., Новосельский С. А.* Основы демографической и санитарной статистики. М. : Роскомстат, 1929. 310 с.
29. *Федоров А. В.* Закон о всеобщей воинской повинности 1874 г. и крестьянство // Исторические записки. М. : Наука, 1975. Т. 46. С. 165—195.
30. *Чупров А. И.* Динамика населения г. Москвы и Московской губернии. М. : Госстат, 1925. 350 с.